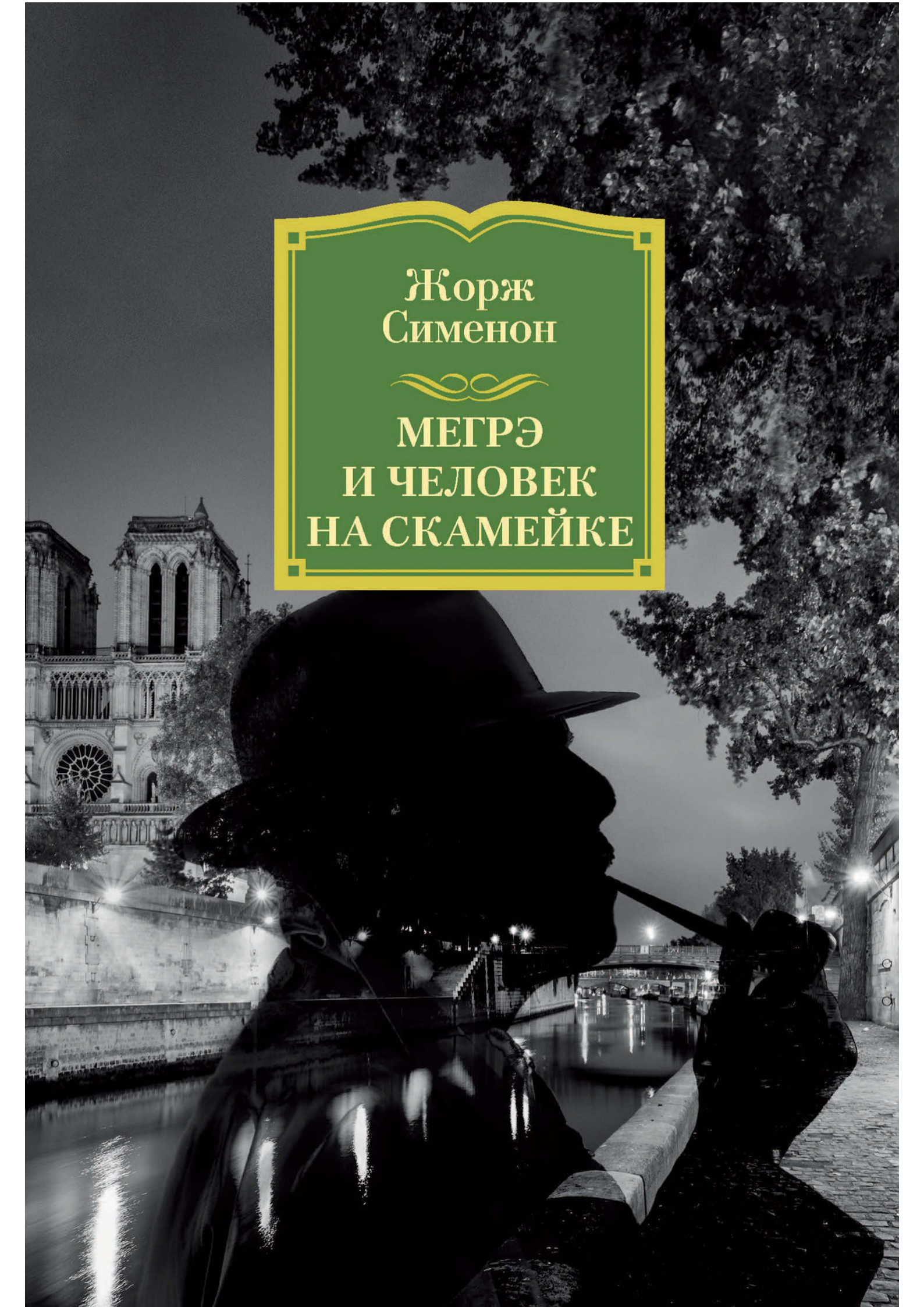

Жорж
Сименон

МЕГРЭ
И ЧЕЛОВЕК
НА СКАМЕЙКЕ

Комиссар Мегрэ

Жорж Сименон

Мегрэ и человек на скамейке

«Азбука-Аттикус»

1953

УДК 821.133.1
ББК 84(4Бел)-44

Сименон Ж.

Мегрэ и человек на скамейке / Ж. Сименон — «Азбука-Аттикус»,
1953 — (Комиссар Мегрэ)

ISBN 978-5-389-15431-5

Предлагаем вашему вниманию повесть Ж. Сименона «Мегрэ и человек на скамейке». Комиссар Мегрэ носит давно вышедшие из моды котелок и пальто, не расстается с трубкой, предпочитает дождливую погоду, обожает греться у огня и ходить, заложив руки за спину. Мрачный, немногословный, он обладает редким даром внушать доверие, ему известны тайные пружины человеческой драмы. Разгадывая самые сложные преступления, распутывая самые причудливые интриги, Мегрэ руководствуется одним безотказным принципом: чтобы найти виновных, нужно прежде всего понять смысл их поступков...

УДК 821.133.1
ББК 84(4Бел)-44

ISBN 978-5-389-15431-5

© Сименон Ж., 1953
© Азбука-Аттикус, 1953

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Жорж Сименон

Мегрэ и человек на скамейке

Georges Simenon
MAIGRET ET L'HOMME DU BANC

Copyright © 1953, Georges Simenon Limited
GEORGES SIMENON ®
MAIGRET ® Georges Simenon Limited
All rights reserved

Перевод с французского М. Таймановой

Серия «Иностранная литература. Классика детектива»

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство Иностранка®
© М. Тайманова, перевод, 2017

* * *

Глава 1

Желтые ботинки

Мегрэ легко запомнил эту дату, это был день рождения сестры его жены – 19 октября. А кроме того, понедельник. Он тоже должен был это отметить, потому что на набережной Орфевр существовало поверье, что по понедельникам убийства случаются очень редко. Ну и в довершение всего в этом году это было первое расследование, от которого повеяло зимой.

Все воскресенье накрапывал холодный и мелкий дождь, черные крыши и мостовые блестя, желтоватый туман, казалось, проникал во все оконные щели, даже мадам Мегрэ сказала:

– Придется заделывать окна.

Каждую осень, по меньшей мере лет эдак пять, Мегрэ обещал в воскресенье заделать окна.

– Лучше надень зимнее пальто.

– А где оно?

– Сейчас поищу.

Половина девятого утра, а в квартире еще горит свет. Пальто Мегрэ пахнет нафталином.

Днем распогодилось. По крайней мере не было дождя, хотя мостовые все еще не просохли и делались все грязнее, когда на улицах становилосьлюдно. Потом, ближе к четырем часам дня, перед самыми сумерками, все тот же, что и утром, желтоватый туман опустился на Париж, приглушая свет фонарей и витрин.

Когда зазвонил телефон, в кабинете не было ни Люка, ни Жанвье, ни малыша Лапуэнта. Ответил корсиканец Сантони, новичок в уголовном розыске, до этого он десять лет отработал в подразделении по борьбе с азартными играми, а потом – в полиции нравов.

– Это инспектор Невё из Третьего округа, шеф. Хочет поговорить с вами лично. Похоже, что-то срочное.

Мегрэ схватил трубку:

– Слушаю, старина.

– Говорю из бистро на бульваре Сен-Мартен. Найден труп мужчины с ножевыми ранениями.

– На бульваре?

– Нет. Недалеко, в тупике.

Невё был старым профессионалом и сразу догадался, о чем подумал Мегрэ. Поножовщина, особенно в людном квартале, это малоинтересно. Обычная пьяная драка. Может быть, сведение счетов либо между местными, либо между испанцами и североафриканцами.

– Дело мне кажется странным, – поспешил добавить Невё. – Вам лучше приехать самому. Это между большим ювелирным магазином и магазином искусственных цветов.

– Еду.

Впервые комиссар взял с собой Сантони, и в маленьком черном автомобиле сыскной полиции ему стало не по себе от резкого запаха одеколона инспектора. Тот был небольшого роста и носил туфли со скрытыми каблуками. Волосы напояжены, на среднем пальце правой руки – огромный желтый бриллиант, скорее всего фальшивый.

На черных улицах чернели силуэты прохожих. Под ногами хлопала грязь. На тротуаре бульвара Сен-Мартен собралось человек тридцать зевак, а двое полицейских в плащах с пелеринами сдерживали их, не давая подойти ближе.

Когда машина остановилась, карауливший их приезд Невё открыл дверцу.

– Я попросил врача дожидаться вашего приезда.

В такое время в этой части Больших бульваров всегда особенно оживленно. Большие свечащиеся часы над ювелирным магазином показывали двадцать минут шестого. Единственная витрина магазинчика искусственных цветов была плохо освещена и такая невыразительная и пыльная, что трудно было представить, чтобы кто-то отважился заглянуть в него.

Между магазинами – что-то вроде тупика, но настолько узкого, что он практически незаметен. Просто проход без единого фонаря между двумя стенами, который ведет, скорее всего, во двор, каких немало в этом квартале.

Невё прокладывал дорогу Мегрэ. Метрах в трех или четырех, в тупике, несколько человек поджидали его в темноте. Двое держали в руках фонарики. Пришлось подойти ближе, чтобы разглядеть их лица.

Здесь было холоднее и как-то более промозгло, чем на бульваре. Постоянно продувало насквозь. Пес, которого безуспешно старались отогнать, путался под ногами.

На земле у потемневшей от сырости стены лежал мужчина, одна рука подогнута под себя, другая, с побелевшей ладонью, откинута в сторону и почти перегородила проход.

– Умер?

Местный врач кивнул:

– Смерть наступила мгновенно.

Словно в подтверждение этих слов луч одного из фонариков покружился по телу, выделив и неожиданно укрупнив странно торчащий из него нож. Второй луч осветил профиль убитого, раскрытый глаз и щеку, оцарапанную, видимо, о каменную стену при падении.

– Кто его нашел?

Один из полицейских, который явно с нетерпением ожидал этого вопроса, вышел вперед. Лицо его оставалось почти неразличимым. Он был еще молод и очень волновался.

– Я делал обход. Всегда заглядываю во все тупики, знаете, есть такие люди, пользуются темнотой и устраивают всякие безобразия. Ну вот, и вдруг заметил – что-то лежит на земле. Сперва подумал, что пьяный.

– Он уже был мертв?

– Думаю, да. Но тело еще не остыло.

– В котором часу?

– Четыре сорок пять. Я свистком подозвал коллегу и немедленно позвонил на пост.

– Это сообщение принял я, – вмешался в разговор Невё, – и сразу же приехал.

Отделение полиции этого района находилось совсем рядом, на улице Нотр-Дам-де-Назарет. Невё продолжал:

– Я тут же попросил коллегу вызвать врача.

– Никто ничего не слышал?

– Насколько я знаю, нет.

Чуть дальше виднелась дверь с едва освещенным над ней оконцем.

– А там что?

– Дверь ведет в контору ювелирного магазина. Ею редко пользуются.

Перед выездом с набережной Орфевр Мегрэ велел передать сообщение в отдел криминалистики, и прибыли эксперты со своим оборудованием и фотоаппаратами. Как и все технические сотрудники, они занимались своим непосредственным делом, ни о чем не расспрашивали, только беспокоились, смогут ли работать в таком узком пространстве.

– А что там дальше, во дворе? – спросил Мегрэ.

– Ничего. Голые стены. Одна-единственная дверь, давно заколоченная, ведет в здание на улице Месле.

Было очевидно, что мужчину ударили ножом в спину, когда он сделал по проходу не больше десяти шагов. Кто-то бесшумно крался за ним, а никто из прохожих, двигавшихся сплошным потоком по бульвару, ничего не заметил.

– Я осмотрел его карманы и обнаружил бумажник.

Невё передал его Мегрэ. Один из криминалистов, не дожидаясь просьбы, направил на него луч лампы, намного мощнее, чем фонарик инспектора.

Бумажник был самый заурядный – не новый, но и не особо потрепанный. В нем лежало три тысячефранковых и несколько стофранковых банкнот, удостоверение на имя Луи Туре – кладовщика, проживающего в Жювизи, на улице Тополей, 37, а также избирательный бюллетень на ту же фамилию, листочек бумаги с пятью-шестью словами, написанными карандашом, и очень старая фотография маленькой девочки.

– Можно начинать?

Мегрэ кивнул. Засверкали вспышки, защелкали фотоаппараты. Толпа у входа в тупик быстро прибывала, и полиция едва сдерживала ее напор.

Затем эксперты аккуратно вынули из тела нож и положили его в специальную коробку, а труп наконец перевернули. Тогда стало видно лицо убитого мужчины, которому было между сорока и пятьюдесятью, и на нем застыло удивление.

Он не понял, что с ним произошло. Так и умер, не поняв. В этом удивлении было столько детского и так мало трагического, что у кого-то из присутствующих, невидимых в темноте, даже вырвался нервный смешок.

Убитый был одет чисто и прилично. Темный костюм, демисезонное бежевое пальто, а на неестественно выгнутых ногах – желтые ботинки, которые никак не подходили по цвету к этому дождливому дню.

Все остальное было столь будничным, что ни на улице, ни на террасе никто бы его не заметил. А между тем полицейский, обнаруживший убитого, сказал:

– Мне кажется, что я его уже где-то видел.

– Где?

– Не помню. Но лицо его мне знакомо. Знаете, из тех, кого ежедневно встречаешь, но не обращаешь внимания.

– Я тоже его вроде видел, – подтвердил Невё. – Возможно, он работал где-то неподалеку.

Но это никак не объясняло, что собирался делать Луи Туре в этом проходе, который никуда не вел. Мегрэ повернулся к Сантони, поскольку тот долго служил в полиции нравов. Вообще-то, существует довольно много маньяков, особенно в этой части города, которые не без причины стараются спрятаться подальше от людских глаз. Почти все они известны. Среди них иногда попадаются люди довольно высокого социального положения. Время от времени их ловят, но потом выпускают, и они снова принимаются за свое.

Сантони покачал головой:

– Нет, я его никогда не видел.

Тогда Мегрэ принял решение:

– Продолжайте работать. Когда закончите, пусть его переправят в Институт судебной медицины. – И, обращаясь к Сантони: – А мы нанесем визит его семье, если таковая имеется.

Самому ему за час ни за что не добраться до Жювизи. Но есть машина. Он был заинтригован главным образом тем, каким заурядным казался и сам этот человек, и его профессия.

– В Жювизи.

Он на минуту остановился у Итальянских ворот – выпить кружку пива прямо у стойки. Потом шоссе, свет фар, грузовики, которые приходится обгонять один за другим. Когда добрались до Жювизи, то возле вокзала спросили человек пять, где находится улица Тополей, прежде чем им указали дорогу.

– Это дальше, там, где начинается новая застройка. Как доберетесь, смотрите на таблички с названием улиц, там они все носят названия деревьев и похожи одна на другую.

Проехали мимо нескончаемой сортировочной станции, где непрерывно с ветки на ветку перегоняли товарные вагоны. Двадцать локомотивов изрыгали пар, свистели, задыхались. Вагоны натыкались друг на друга. Справа от станции начинался новый район с ровными освещенными улицами, размеченными фонарями. Сотни, пожалуй, даже тысячи однотипных домиков одного размера; пресловутые деревья, давшие наименования улицам, еще не успели вырасти; местами тянулись незаасфальтированные тротуары с оставшимися черными ямами, кое-где пустыри, а где-то угадывались садики с поздними увядающими цветами.

Улица Дубовая... Улица Сиреневая... Буковая... Возможно, в один прекрасный день все это станет похоже на парк, если эти халтурно построенные дома, словно собранные из деталей детского конструктора, не развалятся до того, как деревья достигнут нормальных размеров.

За окнами кухонь женщины готовили ужин. Улицы были безлюдны, иногда попадались магазинчики, тоже новехонькие – казалось, что их владельцы только играли в хозяев.

– Попробуй повернуть налево.

Минут десять они ездили по кругу, пока наконец не увидели синюю табличку с названием улицы, которую искали, проскочили мимо нужного дома, поскольку номер 37 шел сразу же за 21-м. Свет горел только на первом этаже в кухне. За занавеской сновала внушительных размеров женщина.

– Вперед! – вздохнул Мегрэ, с трудом вылезая из маленькой машины.

Он выбил трубку о каблук. Когда он шел по тротуару, кухонная занавеска колыхнулась, и к окну прильнуло женское лицо. Видно, не часто доводилось наблюдать, чтобы перед домом останавливались машины. Мегрэ поднялся на три ступеньки крыльца. Входная дверь сделана из покрытой лаком сосны, наличники из кованой стали и два квадратных окошка из темно-синего стекла.

Мегрэ поискал кнопку звонка, но из-за двери раздался голос:

– Кто там?

– Здесь живет мадам Туре?

– Да.

– Я хотел бы с вами поговорить.

Женщина не решалась открыть.

– Полиция, – вполголоса добавил Мегрэ.

Только тогда она осмелилась снять цепочку и отодвинуть засов.

Сквозь щель, в которой виднелась лишь часть ее лица, женщина пристально оглядела двух мужчин.

– Что вам от меня нужно?

– Поговорить с вами.

– А как вы докажете, что вы из полиции?

У Мегрэ совершенно случайно нашелся в кармане полицейский значок. Зачастую он оставлял его дома. Он показал его, поднеся к лучу света.

– Ладно. Надеюсь, он настоящий...

Она впустила их. Узкий коридор, беленые стены, двери и плинтусы – из покрытого лаком дерева. Дверь в кухню была открыта, но женщина провела их в соседнюю комнату, включив там свет.

Почти одного возраста с мужем, немного плотнее, чем он, но при этом она не выглядела грузной. Скорее, коренастой и крепко сбитой, а серое платье с фартуком, который она машинально сняла, не придавали ей изящества.

Комната, куда они вошли, видимо, отводилась под столовую в деревенском стиле, но теперь служила гостиной, где каждая вещь стояла на отведенном ей месте, словно на витрине

или в мебельном магазине. Ничего не валялось: ни трубки, ни пачки папирос, ни рукоделия или газеты – абсолютно ничего, что указывало бы, что люди проводят здесь часть своей жизни. Она даже не пригласила их сесть, но поглядывала на их ботинки, прикидывая, не испачкают ли они линолеум.

– Я слушаю.

– Вашего мужа зовут Луи Туре?

Нахмурившись и стремясь угадать, с какой целью они явились сюда, она кивнула.

– Он работает в Париже?

– Заместителем директора фирмы «Каплан и Занен» на улице Бонди.

– Он никогда не работал кладовщиком?

– Работал, давно.

– Как давно?

– Несколько лет назад. Но и тогда уже, собственно, все держалось на нем.

– У вас нет его фотографии?

– Зачем?

– Хотел бы убедиться...

– В чем убедиться?

И еще с усилившимся подозрением спросила:

– Что-то случилось с Луи?

Она невольно взглянула на часы в кухне – казалось, прикидывала, где должен находиться ее муж в это время.

– Прежде всего я хотел бы убедиться, что речь идет именно о нем.

– На буфете... – сказала она.

Там стояло пять или шесть фотографий в металлических рамках. Среди них снимок молодой девушки и мужчины, зарезанного ножом в тупике, но моложе и одетого в черное.

– У вашего мужа были враги?

– С какой стати у него должны быть враги?

Она вышла на минуту выключить газ – что-то закипало на плите.

– В котором часу он обычно приходит с работы?

– Он всегда садится на поезд в восемнадцать часов двадцать две минуты с Лионского вокзала. А наша дочь едет следующим поездом – она кончает работу немного позже. У нее ответственная работа и...

– Я вынужден попросить вас поехать с нами в Париж.

– Луи умер?

Она смотрела на них с некоторым высокомерием, как женщина, которая не переносит вранья.

– Скажите мне правду.

– Он убит сегодня днем.

– Где?

– В тупике возле бульвара Сен-Мартен.

– Что он там делал?

– Не знаю.

– В котором часу?

– Предположительно после половины пятого.

– В половине пятого он еще на службе. Вы туда звонили?

– Не успел. Кроме того, мы не знали, где он работает.

– Кто его убил?

– Именно это мы и пытаемся установить.

– Он был один?

Мегрэ вышел из себя:

– Вам не кажется, что лучше одеться и поехать с нами?

– Что вы с ним сделали?

– В данный момент его перевезли в Институт судебной медицины.

– Это морг?

Что ей ответить?

– А как я могу предупредить дочь?

– Оставьте ей записку.

Она задумалась:

– Нет. Давайте заедем к моей сестре, я оставлю ей ключ. А она придет и подождет Моника здесь. А с моей дочерью вам тоже нужно увидеться?

– Желательно.

– Куда ей приехать?

– В мой кабинет, на набережную Орфевр. Так будет удобней. Сколько ей лет?

– Двадцать два.

– Вы не могли бы ей позвонить?

– Нет. Во-первых, у нас дома нет телефона, во-вторых, она уже ушла с работы и сейчас едет на вокзал. Подождите меня.

Женщина стала подниматься по лестнице, ступеньки которой громко закрипели, но не от старости, а потому что были сделаны из очень тонкого дерева. Казалось, весь дом построен из дешевых материалов и вряд ли может рассчитывать на долгую жизнь.

Услышав шаги над головой, мужчины переглянулись и подумали об одном и том же: наверняка она переодевается в черное платье и, возможно, причесывается. Когда она спустилась, они снова обменялись взглядами: да, угадали. Она была в трауре и источала запах одеколона.

– Я должна погасить свет и выключить счетчик. Будьте добры, подождите меня на улице.

Она поколебалась, прежде чем сесть в маленькую машину, словно боялась, что не поместится. В соседнем доме кто-то наблюдал за ними из окна.

– Моя сестра живет через две улицы отсюда. Нужно только повернуть направо, а потом налево.

Можно было подумать, что их дома – близнецы, так они были похожи. Отличались только цветом стеклянных окошек на входной двери. Здесь они были оранжевые.

– Я сейчас.

Но задержалась там почти на четверть часа. Когда она вернулась, с ней была женщина, похожая на нее как две капли воды и тоже одетая в траур.

– Моя сестра поедет с нами. Я подумала, что мы можем потесниться. А ее муж подождет Моника. У него выходной сегодня. Он служит контролером на железной дороге.

Мегрэ сел рядом с водителем. Обе женщины устроились сзади, оставив совсем немного места для инспектора Сантони. Время от времени они перешептывались о чем-то очень личном.

Когда приехали в Институт судебной медицины возле моста Аустерлиц, тело Луи Туре, еще в одежде, согласно инструкции Мегрэ, было временно положено на секционный стол. Мегрэ открыл лицо покойника, неотрывно наблюдая за обеими женщинами, которых впервые увидел вместе при ярком свете. В темноте на улице он принял их за близнецов.

Сейчас он видел, что сестра моложе на три-четыре года, и ее силуэт пока еще сохранял мягкость очертаний.

– Вы его узнаете?

Мадам Туре сжимала в руках платок, но не плакала. Сестра поддерживала ее под руку, словно пытаясь ободрить.

– Да, это Луи. Мой бедный Луи... Сегодня, когда мы расстались, он не думал... – И неожиданно спросила: – Можно ему закрыть глаза?

– Да, теперь можно.

Она посмотрела на сестру, казалось, они не знают, кто из них это сделает. Решилась жена, прошептав, не без некоторой торжественности:

– Бедный Луи...

Но тут она заметила ботинки, торчащие из-под простыни, которой прикрыли тело, и нахмурилась.

– А это что еще такое?

Мегрэ не сразу понял.

– Кто надел на него эти туфли?

– Они были у него на ногах, когда его обнаружили.

– Это невозможно. Луи никогда не носил желтых ботинок, во всяком случае, с двадцати шести лет, с тех пор, как мы поженились. Он знал, что я бы не допустила. Ты видишь, Жанна?

Жанна утвердительно кивнула.

– Тогда не могли бы вы проверить и подтвердить, что на нем – его одежда? Насчет его личности у вас ведь нет сомнений?

– Это точно он. Но туфли чужие. Я сама чищу их каждый день. Уж наверное, я их знаю. Сегодня утром он надел черные, с двойной стелькой; он их носит на работу.

Мегрэ полностью откинул простыню.

– Это его пальто?

– Да.

– А костюм?

– И костюм его, а вот галстук нет. Он ни за что не надел бы такой кричащий галстук.

Почти красный!

– Ваш муж вел размеренный образ жизни?

– Самый что ни на есть! Вот сестра может подтвердить. Утром садился в автобус на углу улицы и приезжал на вокзал Жювизи точно к поезду восемь семнадцать. Он всегда ездил вместе с нашим соседом, месье Бодуэном из налогового управления. На Лионском вокзале спускался в метро и выходил на станции «Сен-Мартен».

Сотрудник института подал знак Мегрэ. Комиссар понял и подвел обеих женщин к столу, на который были выложены вещи покойного.

– Полагаю, вам знакомы эти предметы?

Там лежали серебряные часы с цепочкой, носовой платок без инициалов, начатая пачка сигарет «Голуаз», зажигалка, ключ и рядом с бумажником – два кусочка синего картона.

Она сразу же посмотрела на синие бумажки.

– Билеты в кино, – сказала она.

– Зал кинохроники на бульваре Бон-Нувель, – рассмотрев билеты, подтвердил Мегрэ. – Судя по цифрам, они действительно на сегодня.

– Это невозможно. Слышишь, Жанна?

– Мне все это кажется странным, – степенно заметила сестра.

– Взгляните на содержимое бумажника.

Она посмотрела и снова нахмурилась:

– У Луи сегодня утром не было столько денег.

– Вы уверены?

– Да, я ежедневно проверяю, есть ли у него деньги. Он никогда не носит с собой больше одной тысячефранковой купюры и двух или трех стофранковых.

– И он не должен был их тратить?

– До конца месяца еще далеко.

– Значит, после работы, когда он приходил домой, у него всегда оставалась та же сумма?
– За вычетом денег на метро и сигареты. На поезд он покупал сезонный билет.

Она хотела положить бумажник себе в сумку, но поколебалась:

– Может, он вам еще понадобится?

– На сегодняшний день – да.

– Совершенно не могу понять, почему на Луи другие туфли и галстук? И еще, что в то время, когда это произошло, он не был на работе.

Мегрэ больше не стал ее расспрашивать, только попросил подписать какие-то документы.

– Вы поедете домой?

– Когда мы сможем забрать тело?

– Вероятно, через день или два.

– Вскрытие проводить будут?

– Возможно, следственный судья потребует. Пока неизвестно.

Она посмотрела на часы.

– У нас поезд через двадцать минут, – сказала она сестре, потом повернулась к Мегрэ: – Не смогли бы вы подвезти нас на вокзал?

– Ты не будешь ждать Монику? – удивилась сестра.

– Сама вернется.

Пришлось сделать крюк, чтобы попасть к Лионскому вокзалу. Две почти одинаковые фигуры поднялись по каменным ступенькам.

Сантони с усмешкой проговорил:

– Железная хватка! С такой шутки плохи. Вот бедолага...

– Да уж...

– Что вы думаете об этой истории с ботинками? Будь они новые, можно было бы подумать, что он купил их только сегодня.

– Не осмелился бы. Разве ты не слышал, что она сказала?

– Ну и яркий галстук тоже.

– Интересно, похожа ли дочь на мать?

Они не сразу вернулись в полицию, зашли в пивную перекусить. Мегрэ позвонил жене и предупредил, что не знает, когда вернется домой.

В пивной тоже ощущалась зима, на вешалках висели мокрые пальто и шляпы, темные окна сильно запотели.

Когда они вернулись в сыскную полицию, дежурный доложил Мегрэ:

– Вас спрашивала какая-то девушка. Кажется, ее вызвали. Я послал ее наверх.

– Давно ждет?

– Минут двадцать.

Туман перешел в мелкий дождик, и мокрые следы украсили разводами вечно пыльные ступени. Большинство кабинетов уже опустело. Только из-под нескольких дверей пробивался свет.

– Мне остаться? – спросил Сантони.

Мегрэ утвердительно кивнул: поскольку они вдвоем начали следствие, то и продолжать будут вместе.

На кресле в приемной сидела девушка, сперва в глаза бросилась ее голубая шляпка. В комнате было почти темно. Дежурный читал вечернюю газету:

– Это к вам, шеф.

– Знаю. – Мегрэ повернулся к ней. – Мадемуазель Туре? Пройдемте, пожалуйста, в мой кабинет.

Там Мегрэ зажег лампу с зеленым абажуром, освещавшую кресло возле стола, куда он попросил ее сесть, и заметил, что она плакала.

– Дядя сказал мне, что отец умер.

Мегрэ помолчал. Как и мать, она держала платок, но свернула его и комкала в руках. Мегрэ в детстве любил так мять кусок замазки.

– Я думала, что мама будет с вами.

– Она уже уехала в Жювизи.

– Как она?

Что на это можно ответить?

– Ваша мама держалась очень мужественно.

Моника была скорее хорошенькой, совсем не похожей на мать, но унаследовала от нее крепкое телосложение. Правда, это не бросалось в глаза – у нее было молодое тело и не такое плотное. Одета она была в элегантный костюм, что немного удивило комиссара, поскольку она наверняка не могла ни сшить его сама, ни купить в дешевом магазине.

– Что случилось? – спросила она наконец, и в ту же секунду на глазах у нее выступили слезы.

– Ваш отец убит, его ударили ножом.

– Когда?

– Сегодня между половиной пятого и без четверти шесть.

– Это невозможно!

Почему ему показалось, что она не совсем искренна? Мать тоже проявляла ко всему недоверие, но, учитывая ее характер, это можно было предвидеть. К тому же для мадам Туре умереть в тупике возле бульвара Сен-Мартен было большим позором. Она организовала свою жизнь и не только свою, но и всей семьи, а эта смерть не входила в установленные ею рамки. К тому же на покойном – о ужас! – были желтые ботинки и почти красный галстук.

Моника скорее казалась осторожной и словно побаивалась, что может что-то выдать или задать ненужный вопрос.

– Вы хорошо знали своего отца?

– Ну... разумеется...

– Вы, конечно, знали его, как мы обычно знаем своих родителей. Меня же интересует, были ли у вас доверительные отношения, не делился ли отец с вами своими мыслями, не говорил ли о личной жизни?

– Он был хорошим отцом...

– Он был счастлив?

– Полагаю.

– Вы встречали его когда-нибудь в Париже?

– Не понимаю. Вы имеете в виду – случайно на улице?

– Вы оба работали в Париже. Мне уже известно, что вы не ездили на одном поезде.

– У нас разные часы работы.

– Могли бы, например, встречаться во время обеденного перерыва.

– Иногда...

– Часто?

– Нет. Скорее редко.

– Вы заходили к нему на работу?

Девушка заколебалась:

– Нет, мы встречались в ресторане.

– Вы ему звонили?

– Не помню, чтобы звонила.

– Когда последний раз вы с ним обедали?

– Несколько месяцев назад. Перед отпуском.

– В каком районе?

- В «Эльзасской кружке» на Севастопольском бульваре.
- Ваша мать знала об этом?
- Кажется, я ей говорила. Не помню.
- Ваш отец был жизнерадостным человеком?
- Довольно жизнерадостным. Мне так кажется.
- Он был здоров?
- Не помню, чтобы он болел.
- У него были друзья?
- В гости мы ходили обычно к тетям и дядям.
- У вас их много?
- Две тети и два дяди.
- Все живут в Жювизи?
- Да. Недалеко от нас. Дядя Альбер, муж тети Жанны, сообщил мне о смерти папы. Тетя Селин живет немного дальше.
- Обе они – сестры матери?
- Да.
- Скажите, мадемуазель Моника, у вас есть молодой человек?
- Девушка немного смутилась:
- Сейчас неподходящее время об этом говорить. Мне нужно будет увидеть отца?
- Что вы имеете в виду?
- Дядя сказал, что я должна буду опознать труп.
- Это уже сделали мать и тетя. Но впрочем, если вы хотите...
- Нет. Думаю, что увижу его дома.
- Еще вопрос, мадемуазель Моника. Случалось ли вам замечать, когда вы виделись с отцом в Париже, чтобы он носил желтые ботинки?
- Девушка ответила не сразу. Наверное, чтобы потянуть время, она переспросила:
- Желтые ботинки?
- Скорее, светло-коричневые. Простите за выражение, в мою молодость такой цвет называли «детской неожиданностью».
- Не помню.
- А красного галстука на нем тоже не видели?
- Нет.
- Когда вы ходили в кино?
- Вчера днем.
- В Париже?
- В Жювизи.
- Я больше вас не задерживаю. Кажется, у вас скоро поезд?
- Через тридцать пять минут.
- Она взглянула на часы, поднялась, еще на минуту замешкалась.
- До свидания, – произнесла она наконец.
- До свидания. Благодарю вас, мадемуазель.
- Мегрэ проводил ее до порога и закрыл за ней дверь.

Глава 2

Девственница с огромным носом

Мегрэ непонятно почему всегда любил отрезок Больших бульваров между площадью Республики и улицей Монмартр. По сути, это был почти его квартал. Именно там, на бульваре Бон-Нувель, в нескольких сотнях метров от тупика, где был убит Луи Туре, находится кино-театр, куда они с женой по-соседски ходили пешком почти каждую неделю – под ручку. А как раз напротив – пивная, куда он частенько заходил отведать квашеной капусты.

Дальше, в сторону Оперы и церкви Мадлен, Бульвары словно наполняются воздухом, приобретают изысканность. А вот между аркой Сен-Мартен и площадью Республики они напоминают темную траншею, в которой так бурлит жизнь, что иногда кружится голова.

Он вышел из дому в половине девятого серым утром, правда не таким сырым, как накануне, но более холодным, и не торопясь, всего за четверть часа добрался до улицы Бонди, где на перекрестке с Бульваром она образует небольшую площадь перед театром «Ренессанс». Там, по словам мадам Туре, в фирме «Каплан и Занен» всю свою жизнь до самого последнего дня проработал Луи Туре.

Указанный номер принадлежал очень старому, какому-то покосившемуся дому, открытые ворота с обеих сторон обрамляли белые и черные таблички, извещавшие, что здесь изготавливают матрасы, дают уроки машинописи, торгуют перьями (четвертый этаж слева, лестница А), свои услуги предлагают судебный исполнитель и дипломированная массажистка. Консьержка, помещение которой находилось под аркой, в это время раскладывала почту.

– Фирма «Каплан и Занен»? – спросил он.

– В следующем месяце будет ровно три года, как фирмы больше нет.

– А вы уже здесь работали до того, как она закрылась?

– В декабре исполнится двадцать шесть лет, как я здесь.

– Вы знали Луи Туре?

– А как же! Прекрасно знала месье Луи! А что с ним? Вот уже четыре, а то и пять месяцев он не заглядывал сюда, как обычно, поздороваться.

– Он умер.

Она тут же перестала разбирать почту.

– Так он же такого крепкого здоровья! Что случилось? Могу побиться об заклад – сердце! Как у моего мужа...

– Его убили, пырнули ножом вчера днем, неподалеку отсюда.

– Я еще не читала газет сегодня.

Впрочем, в них преступлению было отведено всего несколько строчек, как самому заурядному происшествию.

– Кому могло прийти в голову убить такого славного человека?

Она тоже была славной – маленькая, живая женщина.

– Больше двадцати лет он проходил мимо моей каморки четыре раза в день и не упускал случая сказать что-то приятное. Когда месье Каплан закрыл свое дело, он был так подавлен, что...

Ей пришлось промокнуть глаза платком, потом вытереть нос.

– Господин Каплан еще жив?

– Если хотите, я вам дам его адрес. Живет возле Порт-Майо, на улице Акаций. Тоже славный человек, но другого рода. Возможно, старик Каплан еще жив.

– А чем он торговал?

– Вы не слышали о его фирме?

Она была поражена, что кто-то на свете мог быть в неведении относительно фирмы «Каплан и Занен». Мегрэ сказал:

– Я из полиции, мне нужно знать все, что имеет отношение к Луи Туре.

– Мы называли его месье Луи. Все так его звали. Большинство даже не знало фамилии. Подождите минутку, пожалуйста...

И, раскладывая последние письма, прошептала себе под нос:

– Месье Луи убили! Кто бы мог подумать! Такой человек...

Она разложила по ячейкам оставшиеся конверты, набросила на плечи шерстяную шаль, убавила газ на плите.

– Три года назад этот дом собирались снести, а на его месте построить кинотеатр. Жильцам прислали уведомления, а сама я должна была переехать к дочери в Ньевр. Именно поэтому месье Каплан закрыл свое дело. А может быть, еще и потому, что торговля шла неважно. У молодого месье Каплана, месье Макса, как мы говорили, были совсем другие взгляды, чем у отца... Проходите сюда...

За аркой начинался двор, в глубине которого возвышалось большое здание со стеклянной крышей, похожее на вокзал. На стене еще виднелось несколько букв от названия «Каплан и Занен».

– Когда я начала работать консьержкой, двадцать шесть лет назад, Заненов уже не было. Фирмой руководил один старый месье Каплан, дети на улицах оборачивались ему вслед – так он был похож на библейского волхва!

Дверь была не закрыта, замок снят. Сейчас все выглядело мертвым, но несколько лет назад являло собой часть вселенной Луи Туре. Как все это точно выглядело, сейчас представить было трудно. Огромное помещение с очень высоким потолком, в крыше недоставало половины стеклянных плиток, а оставшиеся уже не были прозрачными. Вдоль всего зала на двух этажах, как в больших универмагах, тянулись галереи, и на стенах еще темнели следы от демонтированных полок.

– Каждый раз, когда он заглядывал ко мне...

– Он часто навещался?

– Наверное, раз в два или три месяца, всегда приносил что-то вкусенькое... Однако каждый раз старался заглянуть сюда, и чувствовалось, что у него тяжело на сердце. Я знала тут десятка два упаковщиц, а когда готовились к праздникам, случалось, что работали и в ночную смену. Месье Каплан не торговал в розницу, только оптом – базары в провинции, владельцы лотков, уличные разносчики. Товара было столько, что просто не протиснуться, а месье Луи единственный знал, где что лежит. Сколько там было всякой всячины – накладные бороды, картонные трубы, разноцветные елочные шары, серпантин для карнавалов, маски, сувениры, которые продаются на морских курортах.

– Он работал кладовщиком?

– Да. Носил серую блузу. Посмотрите, там в углу за стеклянной перегородкой был кабинет молодого месье Каплана с тех пор, как у отца случился первый сердечный приступ и он перестал приходить в магазин. У него была машинистка мадемуазель Леон, а в каморке на втором этаже работал старый бухгалтер. Никто и не подозревал, что такое может произойти... В один прекрасный день, то ли в октябре, то ли в ноябре, не помню точно, но помню, что было холодно, месье Макс Каплан собрал весь персонал и сообщил, что магазин закрывается и что он нашел покупателя на нераспроданный товар.

В тот момент все были уверены, что здание снесут уже на следующий год, чтобы здесь построить кинотеатр, как я уже говорила.

Мегрэ терпеливо слушал, озираясь по сторонам и пытаясь представить себе, как выглядел магазин в свои лучшие времена.

– Здание, выходящее на улицу, тоже должны были снести. Все жильцы получили извещения. Некоторые выехали. Другие стали тянуть время и в результате оказались правы, потому что они до сих пор еще здесь. Вот только новые владельцы, дом-то ведь уже продан, отказываются его ремонтировать. Столько судебных процессов идет из-за этого! Судебный исполнитель приходит почти каждый месяц. Я уже два раза думала, что пора сматывать удочки.

– Вы знали мадам Туре?

– Никогда ее не видела. Она жила за городом, в Жювизи...

– Она и теперь там живет.

– Так вы ее видели? Что она собой представляет?

Вместо ответа Мегрэ скорчил гримасу, и она сразу же поняла:

– Я так и думала. Можно было догадаться, что он не очень-то счастлив в семейной жизни. Его настоящая жизнь проходила здесь. По нему, я много раз это говорила, закрытие фирмы ударило сильнее всего. Особенно потому, что он уже был в том возрасте, когда трудно что-то менять.

– А сколько ему было?

– Сорок пять или шесть.

– А вы не знаете, чем он потом занимался?

– Он никогда со мной не делился. Наверное, ему пришлось несладко. Он долго не появлялся. Один раз я выскочила за покупками и заметила его на скамейке. Меня это просто потрясло. Для такого человека, как он, сидеть на скамейке в рабочее время, понимаете? Я почти подошла к нему, а потом подумала, что поставлю его в неловкое положение. Развернулась и ушла.

– А сколько времени прошло тогда после закрытия магазина?

Под аркой было холодно, холоднее, чем во дворе, и она предложила:

– Не хотите погреться у меня? Сколько прошло времени, трудно сказать. Весна еще не наступила, листьев не было. Наверное, был конец зимы.

– А когда вы увидели его в следующий раз?

– Очень не скоро. В разгар лета. Но больше всего меня поразило, что на нем были туфли цвета детской неожиданности. Почему вы так на меня смотрите?

– Просто так. Продолжайте.

– Это совсем не в его стиле. Он всегда ходил в черных ботинках. Он зашел ко мне в привратническую и положил на стол белый пакетик, перевязанный золотой ленточкой, конфеты. Сидел вот на этом стуле. Я сварила ему кофе и выскочила на угол купить бутылочку кальвадоса, а он остался подежурить вместо меня.

– Что он рассказал?

– Ничего особенного. Был счастлив, что оказался здесь, это чувствовалось.

– Никаких намеков насчет своей новой жизни?

– Я спросила, доволен ли он, а он сказал «да». Во всяком случае, ему не нужно было высиживать на работе, потому что он пришел утром, часов в десять или одиннадцать. А в другой раз пришел днем, на нем был светлый галстук. Я стала над ним подтрунивать, сказала, что он помолодел. Но он никогда не обижался. Потом стала спрашивать о дочери, я ее никогда не видела, но он показывал мне ее фото – уже через несколько месяцев после рождения. Редко бывает, чтобы мужчина так гордился, что у него ребенок. Он говорил о ней со всеми, всегда носил в кармане фотографии.

У него не нашли никаких последних фотографий Моники, только младенческую.

– Вы еще что-то о нем знаете?

– А откуда мне знать? Живу взаперти с утра до вечера. С тех пор как закрылся магазин Каплана, а парикмахер со второго этажа съехал, здесь полное затишье.

– Вы ему об этом сказали?

– Да, говорили обо всем на свете, о жильцах, которые исчезали один за другим, о судебных процессах, об архитекторах, которые изредка появляются и все еще работают над проектом этого несчастного кинотеатра, а тем временем стены рушатся от старости.

В ней не чувствовалось злорадства, но при этом было ясно, что покинет она этот дом последней.

– А как это все произошло? Он страдал? – спросила она в свою очередь.

Ни мадам Туре, ни Моника не задали этот вопрос.

– Доктор утверждает, что это была мгновенная смерть.

– А где это случилось?

– В двух шагах отсюда, в тупике у бульвара Сен-Мартен.

– Возле ювелирного?

– Да. Должно быть, кто-то шел за ним следом, а уже темнело, и всадил нож ему в спину.

Накануне вечером и сегодня утром Мегрэ звонил в криминалистическую лабораторию. Нож был обыкновенный, расхожей марки, такие продаются почти во всех скобяных магазинах, совсем новый, и на нем не осталось отпечатков пальцев.

– Бедный месье Луи! Он так любил жизнь!

– Он был веселым человеком?

– Он не был грустным. Не знаю, как лучше объяснить. Он был любезным со всеми, всегда умел сказать что-то приятное, проявить внимание. Не пытался набивать себе цену.

– Женщинами он интересовался?

– Никогда! Хотя вполне мог иметь, сколько пожелает. Он был здесь единственным мужчиной, не считая молодого Каплана и старого бухгалтера, а женщины, которые работали на упаковке, не отличались строгостью нравов.

– Он пил?

– Как все, стаканчик вина за обедом. Иногда рюмочку коньяка после.

– А где он обедал?

– В полдень он из магазина не уходил: приносил еду с собой, завернутую в клеенку, прямо как сейчас перед глазами. Ел стоя, раскладывал свой завтрак на краешке стола, потом выходил во двор покурить трубку и шел работать. Изредка он уходил куда-то в перерыв, сообщал мне, что встречается с дочерью. Уже в последнее время, когда она стала взрослой девушкой и работала в конторе на улице Риволи.

«Почему бы вам не привести ее сюда, месье Луи? Мне так хочется ее увидеть!»

«Как-нибудь...» – обещал он, да так и не выполнил, не понимаю почему.

– А эта Леон, машинистка, вы потеряли ее из виду?

– Да нет. У меня есть ее адрес, она живет с матерью. Теперь она уже не служит. Открыла магазинчик на улице Клиньянкюр, на Монмартре. Возможно, она расскажет вам больше моего. Он ее тоже навещал. Один раз, когда я о ней упомянула, он сказал, что она торгует всякими товарами для младенцев. Занятно.

– Что именно занятно?

– Что она продает вещи для детей.

Жильцы начали заходить за почтой и бросали подозрительные взгляды на Мегрэ, наверное думая, что он тоже явился сюда, чтобы их выселить.

– Благодарю вас, мадам. Я еще обязательно загляну.

– Вы не предполагаете, кто мог ударить его ножом?

– Совершенно нет, – честно ответил он.

– У него украли бумажник?

– Нет. Ни бумажник, ни часы.

– Тогда его с кем-то перепутали.

Мегрэ пришлось пересечь весь город, чтобы попасть на улицу Клиньянкур. Он зашел в небольшой бар и позвонил в полицию:

- Кто у телефона?
- Жанвье, шеф.
- Что нового?
- Люди разъехались, как вы велели.

Это означало, что все пять инспекторов, поделив Париж на участки, обходили скобяные магазины. Сантони же на всякий случай он поручил разузнать о Монике Туре. Поэтому тот должен крутиться сейчас на улице Риволи возле конторы «Жебер и Башелье – судебное разрешение споров».

Если бы у мадам Туре был телефон в Жювизи, он бы позвонил ей узнать, брал ли ежедневно ее муж завтрак, завернутый в клеенку.

- Пришлешь мне машину?
- Где вы сейчас находитесь?
- На улице Бонди. Пусть подъедет к театру «Ренессанс».

Нужно поручить Жанвье – он сегодня свободен – расспросить торговцев с бульвара Сен-Мартен. Этим занимается инспектор Невё, но для такого дела, где можно рассчитывать только на удачу, лишний человек не помешает.

Но он этого не сделал, потому что ему хотелось самому еще раз оказаться в этом квартале.

- Больше никаких указаний?
- Дай снимок в газету. Пусть продолжают писать как о заурядном происшествии.
- Понял. Посылаю машину.

Поскольку консьержка упомянула кальвадос, и к тому же было и вправду холодно, он выпил рюмочку. Потом, руки в карманах, пересек бульвар и направился взглянуть на тупик, где был убит меье Луи.

Сообщение об этом прошло настолько незамеченным, что никто даже не приходил полюбопытствовать, остались ли еще следы крови на мостовой.

Он задержался перед одной из двух витрин ювелирного магазина, в помещении находилось не то пять, не то шесть продавцов. Здесь не продавали очень дорогих украшений. На большинстве выставленных предметов висели ярлычки «со скидкой». Чего тут только не было: обручальные кольца, поддельные бриллианты, хотя, наверное, и настоящие тоже, будильники, наручные и настенные часы, правда весьма сомнительного вкуса.

Старичок, наблюдавший за ним из магазина, вероятно, принял его за потенциального покупателя, поскольку с улыбкой подошел к двери, намереваясь пригласить внутрь. Комиссар предпочел удалиться и несколько минут спустя уже сидел в полицейскую машину:

- На улицу Клиньянкур.

Там было не так шумно, но и здесь жили люди невеликого достатка, а магазинчик мадемуазель Леон с почти стертой вывеской «Розовое дитя» примостился между мясной лавкой и забегаловкой для шоферов, так что о его существовании могли знать только посвященные.

Зайдя в него, Мегрэ чуть не остолбенел, потому что женщина, вышедшая к нему из задней комнаты, где в кресле сидела старуха, а у нее на коленях кот, совсем не соответствовала созданному в его представлении образу машинистки Каплана. Почему? Он и сам не знал. На ней, наверное, были войлочные тапки, поскольку двигалась она бесшумно, наподобие богомолок, и так же держалась.

Она рассеянно улыбнулась какой-то нежной, едва заметной улыбкой, причем даже не губами, а как бы всем лицом.

Забавно, что ее звали Леон¹.

¹ Леон (Leon, Leone) – мужское и женское имя, которое по-разному произносится, от *лат.* leone (лев). Это имя было очень

Тем более забавно, что у нее был большой мясистый нос, как у старых львов, дремлющих в клетке.

– Что вам угодно?

Одета она была во все черное. Лицо и руки – какие-то невыразительные, бесформенные. Большая печка в соседней комнате дышала ровным жаром, и повсюду – на прилавке и полках – лежало тонкое белье, чепчики, отделанные голубыми или розовыми лентами, пинетки и пла-
тьица для крещения.

– Комиссар Мегрэ из сыскной полиции.

– Что?

– Вчера был убит ваш бывший коллега Луи Туре...

Она отреагировала эмоциональнее всех других женщин, однако не заплакала, не полезла за носовым платком и не стала кусать губы. От внезапного известия она просто окаменела, застыла на мгновение, можно было даже поклясться, что сердце у нее тоже замерло. И он увидел, как ее и без того бледные губы буквально стали белыми, как полотно, разложенное на полках.

– Простите, что я сказал это вот так, напрямик.

Она покачала головой, давая понять, что не сердится. Старуха в соседней комнате пошевелилась.

– Чтобы разыскать убийцу, я должен собрать как можно больше сведений о Луи...

Она кивнула, по-прежнему не произнеся ни слова.

– Мне кажется, вы хорошо его знали...

Лицо ее словно прояснилось на мгновение.

– Как это случилось? – произнесла она наконец с трудом.

Вероятно, уже в детстве она была уродливой и, безусловно, всегда это понимала. Она оглянулась на мать и прошептала:

– Не хотите сесть?

– Боюсь, что ваша мать...

– Мы можем говорить при ней. Она совершенно глухая. Но ей нравится, когда приходят люди.

Он не решился сказать, что задыхается в этой душной комнате, где протекала жизнь двух женщин, казалось почти застывших в своей неподвижности.

Возраст Леон определить было трудно. Очевидно, перевалило за пятый десяток, и возможно, уже давно. Матери с виду было не меньше восьмидесяти. Она смотрела на комиссара быстрыми птичьими глазками. Большой нос достался Леон не от нее, а от отца, чья увеличенная фотография висела на стене.

– Я только что был у консьержки на улице Бонди.

– Наверное, она пришла в ужас.

– Да. Она его очень любила.

– Все его любили.

При этих словах на щеках у нее проступил легкий румянец.

– Он был таким хорошим человеком! – поспешно добавила она.

– Вы с ним часто виделись потом, ведь так?

– Он приходил повидаться несколько раз, не могу сказать, что часто. Он был очень занят, а я живу далеко от центра.

– Вы не знаете, чем он занимался в последнее время?

– Я его об этом никогда не спрашивала. Казалось, он вполне преуспевает. Полагаю, что он завел какое-то собственное дело, поскольку не должен был высиживать определенные часы на работе.

– Он не рассказывал о людях, с которыми общался?

– Мы говорили главным образом об улице Бонди, о магазине Каплана, о месье Максе, об инвентаризации. Каждый год это было целое событие, ведь у нас в ассортименте насчитывалось больше тысячи единиц товара.

Она поколебалась, потом спросила:

– Полагаю, вы виделись с его женой?

– Да. Вчера вечером.

– Что она сказала?

– Она не понимает, почему ее муж в минуту смерти оказался в желтых ботинках. Утверждает, что их надел на него убийца.

Леон, как и консьержка, тоже заметила эти ботинки.

– Да нет, он часто носил их.

– Еще когда работал на улице Бонди?

– Нет. Гораздо позже.

– Насколько позже?

– Ну, может, спустя год.

– Вас не удивили его желтые ботинки?

– Удивили. Он так никогда раньше не одевался.

– Что вы подумали?

– Что он изменился.

– Он действительно изменился?

– Он был не совсем такой, как прежде. Шутил как-то иначе. Даже хохотал.

– А до этого не смеялся?

– Смеялся, но не так. Что-то новое появилось в его жизни.

– Женщина?

Это было жестоко, но он должен был задать этот вопрос.

– Возможно.

– Он рассказывал вам о чем-то сокровенном?

– Нет.

– Он никогда не пытался ухаживать за вами?

– Никогда, – ответила она торопливо. – Клянусь. Уверена, что ему это даже в голову не могло прийти.

Кот покинул старуху и переместился на колени Мегрэ.

– Пусть сидит, – сказал он, поскольку она собиралась его согнать. Курить трубку он не осмеливался. – Представляю, какой это был тяжелый удар для всех вас, когда месье Каплан объявил, что закрывает дело.

– Да, это было тяжело.

– Особенно для Луи Туре?

– Месье Луи был самым преданным работником. У него были свои особые привычки. Он ведь начал работать здесь с четырнадцати лет, мальчиком-рассыльным.

– Откуда он родом?

– Из Бельвиля. По его словам, его мать осталась вдовой и однажды сама привезла его к старому месье Каплану. Он еще ходил в коротких штанишках. Он ведь почти не учился в школе.

– Мать умерла?

– Уже давно.

Почему у Мегрэ создалось впечатление, что она что-то от него утаивает? Она казалась открытой, смотрела прямо в глаза, и все же он чувствовал, что она ускользает, так же неслышно, как двигалась.

– Говорят, ему нелегко было найти работу.

– Кто вам об этом сказал?

– Я так понял из разговора с консьержкой.

– Когда тебе за сорок, найти работу особенно тяжело, да еще когда нет какой-то определенной специальности. Я сама...

– А вы искали?

– Всего несколько недель.

– А месье Луи?

– Он искал дольше.

– Вы это предполагаете или знаете наверняка?

– Знаю.

– Он бывал у вас в то время?

– Да.

– Вы помогали ему?

Теперь он был в этом почти уверен. У таких, как Леон, всегда есть сбережения.

– Зачем об этом говорить?

– Понимаете, пока я не буду иметь полного представления, чем занимался месье Туре в последние годы, я ни за что не смогу найти убийцу.

– Это правда, – согласилась она, подумав. – Я расскажу все, но пусть это останется между нами. Главное, чтобы не дошло до жены. Она такая гордая...

– Вы ее знаете?

– Он мне рассказывал. Мужья ее сестер занимают прекрасное положение и построили себе дома.

– Он тоже.

– Он был вынужден, его заставила жена. Она же пожелала поселиться в Жювизи, где жили ее сестры.

Теперь ее голос изменился, в нем слышалась глухая, давно копившаяся обида.

– Он боялся жены?

– Не хотел никому причинять огорчения. Когда за несколько недель до Рождества мы все потеряли работу, он решил не портить семье праздник.

– Он ничего дома не сказал? Делал вид, что все еще работает на улице Бонди?

– Он надеялся быстро найти новую работу, сперва через несколько дней, потом через несколько недель. Ведь у него был дом.

– Не понимаю.

– Он выплачивал его, и я знаю, что если не внесешь деньги в срок...

– У кого он взял в долг?

– У месье Сембронна и у меня.

– Кто такой Семброн?

– Бухгалтер. Он уже не работает. Живет на набережной Межисри.

– У него есть деньги?

– Он еле сводит концы с концами.

– И вы оба дали в долг месье Луи?

– Да. Иначе его дом выставили бы на продажу, и они все оказались бы на улице.

– Почему он не обратился к месье Каплану?

– Месье Каплан отказал бы ему. Такой уж он человек. Когда он объявил о том, что закрывает фирму, то вручил каждому из нас конверт с трехмесячной зарплатой. Месье Луи боялся держать их при себе, иначе узнала бы жена.

– Она проверяла содержимое бумажника?

– Не знаю. Вероятно. Деньги хранились у меня, и каждый раз он забирал сумму, равную его зарплате. Потом, когда деньги кончились...

– Понимаю.

– Он вернул мне долг.

– Спустя какое время?

– Через восемь или девять месяцев. Около года.

– Сколько вы его не видели?

– Примерно с февраля по август.

– Вы не беспокоились?

– Нет. Я знала, что он придет. И даже если бы не вернул...

– Он сказал вам, что нашел работу?

– Сказал, что работает.

– Он уже носил желтые ботинки?

– Да. Приходил время от времени. Каждый раз приносил подарки мне и сласти для мамы.

Наверное, поэтому старуха так разочарованно смотрела на Мегрэ. Гости должны были приносить ей лакомства, а Мегрэ пришел с пустыми руками. Он пообещал себе, что если придется снова заглянуть сюда, то непременно запасется конфетами.

– Он никогда не называл чьих-то фамилий?

– Чьих?

– Не знаю... Начальников, приятелей, друзей...

– Нет...

– А не вспоминал ли он в разговоре какой-то определенный район Парижа?

– Только улицу Бонди. Он приходил туда несколько раз. Он переживал, что здание так и не снесли.

«Мы могли бы остаться там еще на год!» – вздыхал он.

Звякнул колокольчик, и Леон привычно вытянула шею, посмотреть, кто зашел в магазин. Мегрэ встал.

– Не хочу вам больше мешать.

– Милости прошу. Заходите.

У прилавка стояла беременная. Он взял шляпу и пошел к двери.

– Благодарю.

Было одиннадцать часов утра.

– Останови у ближайшего бистро.

– Так было же одно, рядом с магазином!

Ему было неловко зайти туда на глазах Леон.

– Поверни за угол.

Он хотел позвонить месье Каплану, поискать в справочнике Ботен точный адрес бухгалтера Семброна на набережной Межисри.

Раз уж он начал день с кальвадоса, то выпил еще рюмку, прямо у стойки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.